

ОБ АВТОРЕ

Мириам Георг, родившаяся в 1987 году, — внештатный корректор и редактор. Получила степень в области европейской литературы и степень магистра американско-индейской литературы. Когда Мириам не путешествует, то живет в Берлине вместе со своей глухой собачкой Розали и коллекцией книг.

ПРОЛОГ

Мальчик смотрел на месяц. Он был маленьким и бледным — тонким серебристым росчерком над раскачивающимися верхушками деревьев. Зато ночь сегодня была темнее обычного. Углы небосвода — чернее, треск в балках — более угрожающим. Куда больше мальчику нравилась полная луна, свет которой проникал в его комнату. Тогда он изображал руками тени на стене, как научила сестра.

Мальчик показывал собаку, змею, порой мышь. Кроме того, когда луна на небе становилась большой и круглой, у нее появлялось лицо. Доброе, светлое лицо, которое словно подмигивало. Мальчик называл это лицо своим другом.

— Здравствуй, друг, — тихо говорил он, забравшись на подоконник, и махал луне своей маленькой ручкой. И луна, висевшая над крышей конюшни, подмигивала ему в ответ.

Мальчик не так давно узнал, что такое «друг». Ему поведали об этом другие дети. Они сказали мальчику, что у него нет друзей и, следовательно, ему здесь не место. Мальчик понял не все, но одно ему было ясно: он «неправильный». Дети постарше называли его чудовищем. Он — чудовище, поэтому живет не с родителями. Родители больше не хотят знать мальчика, ведь выглядит он уродливо и тело его устроено не так, как у обычного ребенка.

Опасливо оглянувшись, мальчик осмотрел общую спальню. Нужно вести себя как можно тише. Нельзя, чтобы его застали здесь, у окна. Иначе придет ночная сестра с палкой для битья. Мальчик снова посмотрел серебристую дольку в ночном небе. Звезды мерцали, как светлячки дома в саду. Мальчик знал, что где-то там, наверху, живет Песочный человек. По вечерам он спускается на землю — приснуть детям в глаза сладким молоком, чтобы им всю ночь снились чудесные сны. Мальчику редко снились сны, но когда снились, то в них он видел дом. Отца, который играл с ним в оловянных солдатиков, матушку и сестру, которые частенько читали ему сказку о Песочном человеке. Мальчик знал, что родные не считают его чудовищем, и не понимал, почему не может вернуться домой. После таких снов он просыпался в слезах. Мальчик до того тосковал по дому, что от рыданий у него перехватывало ды-

хание. Он плакал, звал матушку, лупил руками и ногами во все стороны и кричал, что хочет домой. Тогда его запирали в подвале.

В подвале царила крошечная тьма и холод. В темноте мальчику виделись лица и очертания странных фигур, слышались пугающие звуки — рычание и шорохи, заставлявшие замереть от страха.

В подвале обитали ведьмы и кобольды. Когда мальчика бросали в подвал и запирали за ним дверь, он торопился забиться в угол, прижимался к стене и затыкал уши пальцами, чтобы не слышать и не видеть тех, кто подстерегает во тьме.

Мальчик до смерти боялся подвала. Поэтому и повадился ночами залезать на подоконник. «Не хочу видеть сны!» — сказал он ночному небу, надеясь, что Песочный человек услышит. Сегодня луна стала такой тонкой, что ее едва можно было разглядеть. «Интересно, куда она уходит?» — подумал мальчик, подперев руками подбородок. Когда луна уменьшалась, мальчик боялся, что однажды она исчезнет навсегда.

Прошлой ночью мальчик снова видел сон. Его не стали бросать в подвал, но в наказание на целый день лишили еды. «Видимо, Песочный человек не так меня понял, — подумал мальчик и торопливо огляделся по сторонам. — Наверное, следует поговорить с ним еще разок?»

В общей спальне стояла тишина. Один из детей что-то пробормотал во сне, другой — повернулся на бок, уронив подушку на пол. Выждав несколько мгновений, мальчик распахнул окно. Ночь оказалась холоднее, чем он думал, и по его маленькому телу пробежала дрожь. Однако прикосновения влажного воздуха к лицу казалось приятным. Пахло дождем и, может быть, чуточку снегом. Снизу, из конюшни, доносилось фыркание лошади.

Мальчик осторожно пододвинул к окну табурет, взобрался на него и сел на подоконник, свесив вниз одну ногу. С открытым окном мир казался намного яснее. Мальчик слышал шум ветра в деревьях, чувствовал под пальцами влажную древесину. Он несмело свесил вниз вторую ногу и оказался в ночи. Это было восхитительное чувство. Казалось, звезды светят для него одного.

Внезапно позади раздался голос:

— Михель, что ты там делаешь?

Испуганно обернувшись, мальчик потерял равновесие. Пальцы соскользнули с оконной рамы. Он беспомощно взмахнул руками, но было слишком поздно. Мальчик не смог удержать равновесия. Закричать — и то не смог.

Тихо и безмолвно, как тень, Михель упал в темную ночь. Над конюшней светили звезды. Серебристая долька луны скрылась за облатком.

ЧАСТЬ I

ЛИВЕРПУЛЬ, 1890 ГОД

ГЛАВА I

Лили фон Каппельн откинула вуаль на поля своей шляпки и посмотрела вслед кораблю, который медленно отплывал от порта, вспенивая водную гладь. Бело-голубой флаг судоходной компании «Карстен» развевался на ветру. У перил ближе к носу судна стояла молодая женщина в зеленом платье. Другие пассажиры махали и кричали, глядя на оставшихся позади людей, но эта женщина с решительным выражением лица смотрела на темные воды, словно во всем мире существовали только она и непоколебимый океан.

Лили зачарованно наблюдала за женщиной в зеленом платье, не в силах оторвать от нее глаз. «Это я должна стоять на ее месте», — подумала она, чувствуя знакомую боль, которую в последнее время стало сложнее облекать в слова. Боль изменилась, лишилась острых краев, стала не такой жгучей, как поначалу, но от ее глубины по-прежнему перехватывало дыхание.

У нее, этой боли, были разные лица. В основном — светленькое личико брата Михеля. Иногда матери, Зильты, с теплыми и встревоженными глазами. Порой Лили внезапно чувствовала запах старых книг и видела перед собой отца. Но голос у боли всегда был один — мужчины, который затмил собой все. Которого она не могла забыть, как бы ни старалась.

Вокруг царила оживленная суэта. На причале работали огромные паровые насосные станции: закручивали канаты, двигали трап. Люди кричали, звали друг друга, плакали, махали на прощание... Лили не махала. На этом корабле не было ни единой знакомой ей души — как и на всех других, покинувших ливерпульскую гавань за последние три года. Несмотря на это, Лили почти каждую неделю приходила в порт и провожала взглядом корабли.

Это был первый корабль судоходной компании «Карстен», спущенный на воду после того, как Лили сбежала в Англию. Он пройдет по новому морскому пути в Калькутту. Семья очень этим гордилась.

Лили подумала об Индии и вдруг словно наяву услышала голос брата: «Там настолько жарко, что трудно ясно мыслить. Мангровые заросли кишмя кишат тиграми, леопардами и ядовитыми змеями. Сверкающие дворцы соседствуют с такими убогими глиняными хижинами, которые только можно себе представить, слоны работают на полях, обезьяны выполняют роль прислуги. В Индии есть болезни, заставляющие человека гнить заживо, и есть сокровища столь драгоценные, что мы и представить не можем». Франц всегда с энтузиазмом и с благоговением рассказывал о чужом континенте, где располагалась столица британской колонии, которая должна была стать пунктом назначения нового морского пути. Когда-то Лили с жадностью слушала эти истории, а потом они с Михелем вечерами сидели у камина, рассматривая рисунки тигров и слонов и пытаясь перерисовать этих странных животных, которые казались им сказочными существами. В прошлом Лили втайне мечтала, что однажды сядет на корабль и отправится в путешествие по дальним странам, где, подобно героям из книг, встретит множество приключений.

Однако чужие земли Лили больше не интересовали. Теперь она хотела только одного: вернуться в Гамбург.

О том, что сегодня состоится спуск корабля на воду, отец сообщил Лили в письме.

«А мне какое до этого дело?» — озадаченно нахмурилась она, читая. В последние годы их разговоры с Альфредом Карстеном ограничивались лишь самым необходимым.

А вот Зильта писала почти каждый день — ждала, пока письма накопятся, а потом отправляла сразу целую пачку, которую Лили всегда с нетерпением ждала. Письма пахли маминым розовым кремом, и, сорвав с них ленту, Лили прижимала бумагу к носу, вдыхая знакомый аромат. В такие мгновения она представляла, что снова оказалась в маминых объятиях. От отца за все время Лили получила всего одно письмо, сразу по приезду. В нем отец сообщал, что Михель, ее младший брат, на самом деле жив. Что семья инсценировала его смерть, чтобы Лили села на корабль, отправляющийся в Англию. Своего незаконно-рожденного ребенка она должна была родить подальше от Гамбурга, там, где ее никто не знает. Где она не запятнает семейную честь.

Все были посвящены в этот план, даже мама. Родные обманули Лили, чтобы сломить ее волю. Лили до сих пор помнила, какие чувства испытала, читая то письмо. Кожу словно закололо тысячей крошечных иголок, она едва могла дышать, потрясение оказалось почти таким же сильным, как известие о смерти Михеля. Лили почувствовала, что ее

предали близкие люди. Это было самое страшное предательство в ее жизни.

Однако после того, как первая боль немного поутихла, а ужас — поулегся, Лили охватила радость от осознания того, что Михель жив. Порой Лили казалось, что только благодаря этому ей удалось пережить первое ужасное время в Ливерпуле. Мысль о невинном личике брата, его мягких рыжих волосах, его детском запахе дала Лили силы вытерпеть свадьбу с Генри, смириться с одиночеством.

Вскоре мать умоляла ее о прощении: «Только так ты однажды сможешь вернуться к нам и снова начать нормальную жизнь. Я пойму, если ты не сможешь меня простить, но я бы поступила так снова. Ради тебя я бы сделала все что угодно, Лили. Как и ради любого из моих детей. Быть может, однажды, когда ты сама станешь матерью, ты поймешь: порой приходится совершать ужасные поступки, чтобы уберечь своего ребенка от еще более ужасной участи. Даже если это разобьет ему сердце».

В глубине души Лили и правда все понимала. Ее родители не были злодеями — отчаяние и безысходность толкнули их на этот поступок. То, что для них существует только своя, единственная правильная точка зрения, изменить невозможно. Со временем, по мере того как живот Лили округлялся, ее мироощущение менялось. Она поняла, что если не простит родителей, то это будет вечная рана на ее сердце, но вот забыть — она никогда не забудет.

Отец, однако, так и не извинился и даже не объяснился. Он часто добавлял несколько строк в конце маминого письма, но всегда держался холодно и отстраненно. По большей части отец писал о компании, домашних делах или ежемесячном пособии, которое ей высылал. Лили так и не осмелилась сделать первый шаг к примирению, и чем больше проходило времени, тем более невозможным это казалось.

Но теперь ее голубые глаза были прикованы к надписи на носовой части судна.

— «Корделия», — шепотом прочитала она.

Почему отец выбрал это имя? Альфред Карстен всегда называл свои корабли в честь шекспировских героинь. Но Корделия, любимая дочь, которая была отвергнута? Хочет ли отец сказать, что разочаровался в Лили настолько, что не мог не изгнать ее? Или что, подобно королю Лиру, скучает по своей отвергнутой дочери и понимает, что обидел ее? Альфред Карстен не случайно выбрал именно это произведение. Лили была уверена, что в названии корабля скрыто послание. Вот только какое?

На ум пришли слова Корделии: «Не первых нас, добра желавших, злой постиг приказ».

Понимает ли отец, что Лили никогда не хотела причинить ему боль? Не хотела его предавать? Что все трагические события, ход которых она запустила, произошли из-за любви и стремления к свободе?

Лили судорожно вцепилась в ткань юбки, но уже через секунду заставила себя разжать пальцы. Вокруг чайки пели свою вечную жалобную песню. Взгляд Лили был устремлен в море, но смотрела она не на паруса корабля, а на раскинувшийся за ними горизонт, на бескрайние воды, которые здесь, в Англии, и зимой, и летом выглядели серыми. Ей показалось, что вдали она увидела очертания города: шпиль пяти гамбургских церквей, выступающая из тумана ратуша. Но Лили понимала, что это всего лишь мираж, призрак прошлого, который вот-вот растворится в дыму.

Зазвучал туманный горн, и этот низкий, жалобный звук вызвал у Лили дрожь. «Однажды, — подумала она, — однажды я тоже окажусь там, на палубе. И поеду обратно домой».

Внезапно Лили почувствовала, как дочь потянула ее за платье и схватила за руку своей маленькой ладошкой. Она быстро взяла девочку на руки и поцеловала в щеку.

— Ты просто ледяная!

Как и всегда, Ханна молча стояла рядом с матерью и смотрела по сторонам широко раскрытыми глазами, словно видя впервые. Лили сняла перчатки и потеряла лицо девочки. Недавно Ханна съела пирожное, и теперь ее румяные щечки были покрыты маслянистыми крошками. В отличие от своей матери Ханна не могла наглядеться на корабли и при виде них забывала обо всем вокруг. Ее бабушка наверняка была бы в восторге. К сожалению, они с Ханной никогда не встретились.

— На тебе столько крошек, что и мне хватит, чтобы наесться! — Лили рассмеялась и вытерла с подбородка дочери джем. Ханна хихикнула, пытаясь повернуться.

Две элегантные дамы в платьях с рюшами и в толстых меховых шапках, стоявшие неподалеку и махавшие кому-то на прощание, поморщились, бросая на них негодующие взгляды. Было не принято, чтобы женщины из высшего сословия, к которому принадлежала Лили, ласкали своих детей прилюдно. Ходить без корсета тоже было не принято.

Лили было все равно. Она чмокнула Ханну в нос и опустила на ноги. Разгладила платье, нарочито медленно провела руками по талии, которая виднелась под меховой накидкой и явно была не такой тонкой,

как талии присутствующих дам. Потом в упор посмотрела на незнакомок так долго, пока те, смутившись, не отвели взгляды в сторону. Уголки губ Лили торжествующе дернулись.

— Пойдем-ка поскорее домой, а не то простудишься.

— Давай посмотрим на еще один корабль! — Ханна протянула руки к воде, словно пытаюсь схватить «Корделию», которая тем временем превратилась в пятнышко на горизонте.

— Мы вернемся на следующей неделе, — заверила Лили.

— Вместе с папой? — спросила Ханна.

Лили почувствовала, как улыбка исчезла с ее лица. Она опустила вуаль пониже, пряча налившийся кровью синяк под левым глазом.

— Нет, — жестко ответила она. — Без папы.

— Ты знаешь, кто в Гамбурге поддерживает социал-демократов?

— Нет, — вздохнул Чарли и посмотрел на Йо. — Но у меня такое чувство, что сейчас ты мне об этом расскажешь.

Чарли сделал большой глоток пива, словно пытаюсь спрятаться за своим стаканом. Фите рассмеялся и ободряюще похлопал Чарли по спине. Они сидели в подвале своего любимого паба и уже пили по четвертой кружке. Как и каждый вечер, окна подвала были наглухо завешены мешками, так, чтобы внутрь не проникал даже свет уличных фонарей. Под потолком клубился дым, было многолюдно и шумно, свечи на стенах уже наполовину догорели. Трое мужчин уединились в темном углу рядом с пианино. На столе валялись липкие игральные карты, но к ним уже давно никто не прикасался. Как и всегда после нескольких кружек пива, Йо начал говорить о политике. И как обычно Чарли попытался уйти от темы.

Но Йо уже вошел во вкус.

— Мужчины от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Такие, как я. Не последние бедняки. Понимаешь? Не работяги из доков и не старьевщики. Не те, кому действительно нужна помощь! В районах, где живут люди посостоятельнее, поддержка социал-демократов гораздо выше!

— Откуда ты вообще это знаешь? — проворчал Чарли.

Фите одобритительно закивал:

— Вот-вот!

— Поверьте, так и есть! Было проведено исследование. И вообще, звучит логично, ведь район, в котором живешь, — это твоя социальная среда. Люди, с которыми ежедневно общаешься, — друзья, соседи, все они влияют на то, что ты думаешь. А оппозиция завоевывает все

больше умов, особенно в наших традиционных цитаделях, таких, как Санкт-Паули и Оттенсен.

— Ну, у людей наверняка есть свои причины не поддерживать социал-демократов, — угрюмо сказал Чарли.

— Чепуха! Ты не хуже меня знаешь, что большинство просто ничего не знают. А те, кто больше всего заинтересован в изменениях, вообще не допускаются к голосованию. Что насчет их причин? — пророкотал Йо.

Чарли приподнял брови.

— Не поднимай шума, сынок.

— Мы слишком долго не поднимали шума! В этом-то и проблема! Все рабочие этого города бессильны, ведь лишь один из одиннадцати мужчин имеет право голоса. Это чертовое право можно купить, но кто, скажите на милость, будет платить за него половину месячного заработка, когда большинству даже нечего есть? — Чарли устало кивнул. — Первого мая мы устроим забастовку! — пылко продолжал Йо. — Все пройдет замечательно, это я вам обещаю!

— Вы же не натворите дел, как американские забастовщики, и обойдетесь без метания бомб? — наклонив голову, спросил Фите. Он говорил о бунте на Хеймаркет, который произошел четыре года назад и положил начало международному рабочему движению. Тогда в Чикаго началась многодневная забастовка, организованная профсоюзами, чтобы добиться сокращения рабочего дня с двенадцати до восьми часов. В забастовке участвовали сотни тысяч рабочих по всей стране.

— Не «вы», а «мы»! — горячо воскликнул Йо, уставившись на друга. — И конечно же мы обойдемся без бомб! Но уже понятно, почему в американской забастовке участвовало столько людей.

— Да? И почему же? — вяло спросил Чарли, допивая пиво. Было очевидно, что эта тема его ни капельки не интересовала. Фите, напротив, подался вперед и кивком попросил Йо продолжить рассказ.

Йо был только рад.

— Незадолго до случившегося рабочие на одном из заводов организовали профсоюз и объявили забастовку, требуя повышения заработной платы. Они получали три доллара в день, работая по двенадцать часов. Говорят, этих денег хватало аккурат на скудный обед в каком-нибудь трактире. — Йо сердито покачал головой. — Администрация решила уволить всех бастующих и взять на их место иммигрантов, которые уже выстроились в очередь. Но «Чикагская рабочая газета» призывала к солидарности с забастовщиками — мол, если администрация не наберет новых работников, то завод встанет. — Йо торжествующе хлопнул по столу. — И — о чудо! Пришло всего около

трехсот человек, и это на тысячу рабочих мест. Этот успех воодушевил жителей Чикаго. Понимаете? Мы должны поступить так же!

— Откуда ты все это знаешь? — фыркнул Фите.

— Читаю, — коротко ответил Йо и залпом допил свой шнапс, чувствуя, как после этих слов его пронзила тупая боль. «А ведь прошло уже почти три года», — мрачно подумал он и стиснул зубы так сильно, что свело скулы. Должна же эта боль однажды прекратиться! Но она возвращалась снова и снова, чаще всего внезапно. Йо удавалось на несколько дней выкинуть воспоминания из головы — вернее, утопить в выпивке, — но потом они всплывали в голове с прежней силой.

Книги и газеты всегда будут напоминать ему о Лили. Без нее он, возможно, никогда не научился бы правильно читать, и глаза его никогда бы не открылись.

Лили... Это имя отдавалось в сердце отголосками боли. Йо поднял руку, делая Патти знак принести ему еще рюмашку.

— Полегче! — сказал Чарли и накрыл руку Йо своей, заставляя опустить, но тогда Йо просто поднял другую руку и мило сказал:

— Не лезь не в свое дело.

Чарли вздохнул и сдался. Йо прекрасно знал, что давно уже не может совладать с тягой к выпивке. Он пытался взять себя в руки, но сдавался, стоило подумать о Лили, и начинал пить. К сожалению, последние три года он думал о Лили постоянно.

О ней. И о ребенке. У него есть ребенок... А он даже не знает, сын или дочь. И жив ли малыш вообще...

— Интересно, что придумает Министерство внутренних дел. Они не позволят нам так просто устроить забастовку, — сказал Йо просто для того, чтобы нарушить молчание.

— Даже они не настолько глупы, — хмыкнул Чарли.

— Знаете, как все случилось в Америке? — спросил Йо.

Чарли устался на напиток в своем стакане и ничего не ответил, а Фите внимательно посмотрел на Йо и с любопытством поинтересовался:

— Как? Я знаю только о бомбе.

— Забастовка длилась несколько дней. Вмешалась полиция, несколько рабочих оказались ранены, несколько — убиты. Застрелены. Но забастовка не прекратилась. Люди были сыты по горло, понимаете? Жестокость полиции только еще больше раззадорила их. Однако несмотря на все происходящее, забастовщики не переходили к насилию, пока на четвертый день ситуация не обострилась. Пока не взорвалась бомба. Какой-то неизвестный просто бросил ее в самую гущу толпы. Семеро полицейских погибли, а остальные схватились за оружие

и устроили беспорядочную стрельбу. — Йо почувствовал, как нарастающая волна ярости и негодования медленно заглушила его боль. Именно поэтому в последние годы он все силы бросил на борьбу за права рабочих. Она поддерживала в нем жизнь, эта ярость.

— Многие из организаторов забастовки были арестованы. Не нашлось никаких доказательств, что кто-либо из них имел отношение к убийству полицейских на Хеймаркет. Ни одного. Однако судья усмотрел в их речах призывы к подстрекательству. Четверо повешены. Просто за участие в забастовке. Вы можете это представить?! Просто потому, что они хотели жить лучше. Один из задержанных взорвал себя в камере. Говорят, он сунул в рот револьверный патрон, закурил и остался без головы. — Йо многозначительно замолчал и отхлебнул пивную пену из кружки, которую поставила перед ним Патти.

Фите тихонько присвистнул сквозь зубы.

— Думаешь, здесь может закончиться так же?

Йо заметил в глазах друга проблеск беспокойства. Фите был лудильщиком — иначе говоря, входил в число беднейших гамбургских рабочих. «Сходня», как их называли, находились в самом низу портовой иерархии.

— А если и здесь кто-нибудь наделает делов? А нам за все отвечать!

Не успел Йо ответить, как Чарли пророкотал:

— Подстрекательские призывы в речах... Очень напоминает рассуждения Бисмарка, которыми он обосновал свой закон против социалистов.

Йо удивленно повернулся к Чарли. Обычно тот держался подале от всего, что касалось политики. Чарли было все равно, что происходит там, наверху. Что бы ни случилось, в какие бы условия его ни ставили, он молча выполнял свою работу. Чарли всегда был таким. По крайней мере, все то время, что они были знакомы. Йо знал, что раньше, когда Чарли еще жил в Ирландии, он был другим человеком. Однако Чарли неоднократно повторял, что того человека больше не существует. Он умер вместе с женщиной, которую любил. И всей своей семьей.

«Когда теряешь все, теряешь и себя», — подумал Йо, глядя на своего лучшего друга, великана с добрым сердцем. Чарли, который сидел, уставившись в пивную кружку, казался опасным: множество колец в ушах, взлохмаченная рыжая борода, татуировки на руках, свирепый взгляд... Однако Йо знал, что во всем мире не сыскать человека более верного и преданного. Если Чарли проникся к тебе симпатией, то, считай, он станет твоим другом на всю жизнь. Таким другом, ко-

торый все ради тебя сделает. В последние годы Чарли частенько его разочаровывал: он пристрастился к опиуму и не мог побороть зависимость, постоянно попадал в передряги и терял работу, на которую Йо с таким трудом его устраивал. Но разве Йо имел право его судить? Кто знает, что было бы с Йо, если бы ему не приходилось заботиться о маме, братьях, Альме и ее детях? У Чарли не осталось никого и ничего. Родины — и той лишился. Йо не мог винить Чарли в том, что он не разделял его рвения к борьбе за права рабочих.

Йо кивнул.

— Ты прав, там была такая же риторика. — Он вздохнул. — Один из повешенных, Август Спиз, выступал с речами на забастовках в Чикаго. «Вечно жить как скот нельзя!» Эта его фраза стала своего рода лозунгом рабочих. Редко кто говорил слова вернее, черт побери!

— Согласен! — сухо рассмеялся Фите. Он выпрямился и поморщился от боли. Работа сгубила его здоровье: разрушила не только спину, но и легкие. Фите день и ночь кашлял, выплевывая черную мокроту, у него начались проблемы с почками, он не мог ходить прямо. Он продолжал говорить, но перешел на кессельклопперспрок, — своего рода тайный язык, на котором общались котельщики.

— Говори так, чтобы было понятно, — проворчал Чарли, и Фите одарил его слабой улыбкой.

— Я сказал, что у нас здесь ничем не лучше, — повторил он. — Мы тоже живем как скот. Господи, скоту, по крайней мере, дают приличный корм!

— Сосиску из тебя не сделаешь, поэтому кому какое дело, если схуднешь, — рассмеялся Чарли.

Что-то пробормотав, Фите закашлялся, и Йо с тревогой посмотрел на друга. Фите был маленьким и кособоким, на его дружелюбном лице застыло удрученное выражение, и он выглядел так, словно малейшее дуновение ветерка может сбить его с ног. Впрочем, на самом деле Фите был довольно крепким — это одна из причин, по которой ему удалось так долго проработать котельщиком. Обычно эту неблагодарную работу выполняли те, у кого просто не было выбора. Из-за своей щуплой комплекции Фите мало где мог работать. Однако котельщиком он оказался превосходным — маленьким и проворным, что необходимо для этой работы.

Когда пароход прибывает в порт, котлам требуется около трех дней, чтобы остыть. Однако у судовладельцев на счету каждая секунда, поэтому они заставляют котельщиков лезть внутрь, пока котлы еще дымятся от жара. Сначала приходится протиснуться через так называемые «лазы» шириной всего около сорока сантиметров, потом сбивать